(1) Накануне вечером комиссар вызвал Корнева и Тумика в свою каюту и заговорил об этой батарее, дальнобойной, которая обстреливала передний край и глубину и которая всем давно надоела.

— (2) Мы несём от неё немалые потери, — сказал он, — и, кроме того, она мешает одной задуманной операции. (3) Нужно эту батарею уничтожить.

(4) Потом он спросил, что они думают о самопожертвовании, потому что иначе её нельзя уничтожить. (5) Он спросил не сразу, а начал с подвига двадцати восьми панфиловцев, которые отдали за Отчизну свои молодые жизни. (6) Теперь этот вопрос стоит перед ними — Корневым и Тумиком — как лучшими разведчиками, награждёнными орденами и медалями.

(7) Тумик первый сказал, что согласен. (8) Корнев тоже согласился, и решено было высадиться на берег в девять часов утра. (9) По ночам немцы пускали ракеты, хотя стоял декабрь и днём было так же темно, как и ночью.

(10) Времени вдруг оказалось много, и можно было полежать и подумать, тем более что это, наверно, уже в последний раз, а больше, пожалуй, не придётся.

(11) Тумик воевал уже полтора года и дважды был ранен. (12) Он участвовал в захвате знаменитой сопки «Колпак», когда восемьдесят моряков семь часов держались против двух батальонов, и боезапас кончился, и моряки стали отбиваться камнями. (13) Как вчера, он видел перед собой маленький дом, крыльцо с провалившейся ступенькой и отца в саду — коротко стриженного, седого, с худым носом и ещё такого стройного, ловкого, когда он быстро шёл навстречу гостям, опираясь на трость, в своей кубанке набекрень и со своими тремя орденами. (14) Когда началась война, он прислал Тумику письмо: «Воюй и за себя, и за меня». (15) Тут Тумик вспомнил всю свою жизнь, самое главное, самое интересное в жизни. (16) Отец — это был родной дом, детство и школа, девушка Шура — это была любовь, а Миша Рубин — друг, который всегда говорил, что, может быть, и есть на свете любовь, но верно то, что на свете есть настоящая дружба навеки.

(17) Они были с ним всю войну — отец, та девушка и Миша — и были теперь, когда он лежал на своей койке под иллюминатором и слышно было, как волна, плеща, набегает на борт. (18) Это была его Отчизна! (19) И вдруг всё стало так ясно для него, что он даже присел на койке, обхватив руками колени.

— (20) Недаром же я жил на земле, — сказал он себе.

(21) Он видел, как при свете огарка Корнев пишет письмо, и ему хотелось сказать Корневу, что нет для них смерти и что для них пришла эта торжественная, последняя ночь, когда замер весь свет и только под лёгким ветром волна, плеща, набегает на борт. (22) Но он ничего не сказал. (23) У Корнева были жена и маленький сын. (24) Он писал им, и кто знает, о чём он думал сейчас, хмуря крупные чёрные брови… (25) Утром они с первого взгляда поняли, что нельзя заложить тол и уйти: батарея работала, и кругом было слишком много народу. (26) Можно было только сделать, как сказал комиссар: подорвать её и самим подорваться. (27) И это было легко: неподалёку от батареи штабелями лежали снаряды. (28) Они стали тянуть жребий, потому что достаточно было подорваться одному, а другой мог вернуться к своим. (29) Они условились: вернётся тот, кто вытащит целую спичку. (30) И Тумик взял в обе руки две целые спички и сказал шёпотом:

— Ну, Корнев, тащи.

(31) У Корнева были жена и маленький сын…

(32) Они обнялись, поцеловались. (33) На прощание Тумик отдал Корневу свою фотографию, где был снят с автоматом, лёжа, прицеливаясь, — ребята говорили, что вышел отлично. (34) И Корнев ушёл. (35) Он был метрах в сорока от батареи, когда раздался взрыв и пламя метнулось до самого неба, осветив пустынный край — снег и тёмные ущелья между скал, диких скал Отчизны…

(По В.А. Каверину)